

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.012

СУБКУЛЬТУРА СУДЕЙ ОСЕТИНСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСКОГО СУДА

А.Б. Багаев

В традиционном обществе мужские мировоззренческие установки оказывали воздействие на все стороны жизни социума. Данное положение является следствием доминирующего социального статуса мужчин в традиционных социальных системах. Мировоззренческие установки и мужские нормы социального поведения, характерные для традиционного общества, бытуют и в настоящее время, хотя и в несколько трансформированном виде. Исходя из этого, всестороннее исследование мужских субкультурных комплексов прошлого представляется весьма актуальным. Полученные в ходе исследований знания позволят лучше понять направление развития современного социума. Особое воздействие на жизнь социума оказывали ценности и нормы поведения мужских элитарных сообществ, одним из которых являлась корпорация судей традиционного осетинского суда. В прошлом в Осетии деятельность судьи считалась особенно престижной. За многие века осетинскими народными судьями был выработан определенный субкультурный комплекс. В статье рассмотрены разные элементы субкультуры судей осетинского посреднического суда. Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым комплексным исследованием субкультуры судей в традиционном осетинском обществе. Источниками при разработке поставленной проблемы послужили этнографические материалы, фольклорные тексты и данные осетинского языка. В ходе исследования рассмотрены наиболее значимые элементы субкультурного комплекса судей традиционного осетинского суда. Определены наиболее важные принципы, необходимые для получения статуса судьи. Установлено существование разных вариантов избрания судей. Выявлены основные поведенческие стереотипы, характерные для корпорации медиаторов. Указано на значение посоха как неизменного атрибута судебной власти и маркера особого социального статуса судьи. Освещен вопрос о тайных помощниках судьи, игравших важную роль в установлении истины. Рассмотрены особенности ораторского искусства судей.

Ключевые слова: осетины, мужские субкультуры, судья, осетинский посреднический суд.

Для цитирования: Багаев А.Б. Субкультура судей осетинского посреднического суда // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.5-15. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.012

В традиционном осетинском обществе не существовало суда и судей в современном понимании этих слов. Во внутрисемейных препирательствах

судьей выступал отец-патриарх, основатель большой семьи. Конфликты в кругу родственников разрешались главой родственного коллектива, который наделен был функциями авторитетной власти и судьи [1, 186]. Конфликты, возникавшие в обществе между разными родственными или территориальными коллективами, разбирались традиционным судом. Традиционный осетинский суд был посредническим, третейским судом.

Традиционное осетинское судопроизводство довольно хорошо исследовано. К этой проблеме обращались многие авторы. Так, из дореволюционных исследований можно отметить труды В.Б. Пфафа [2], М.М. Ковалевского [3], Ф.И. Леонтовича [4], Н.С. Мансурова [5], Г. Лиахвели [6]. Среди советских исследователей особую значимость по данной проблематике имеют работы А.Х. Магометова [7, 422-431; 8, 247-262]. Из современных исследований наиболее интересными являются работы Е.И. Кобахидзе [9; 10, 37-47; 11, 105-120], Т.Т. Дауевой [12, 157-161; 13].

Несмотря на разработанность данной проблемы, остается ряд вопросов, связанных с традиционным судом и требующих более тщательного рассмотрения. Так, до настоящего времени специального исследования по судьям традиционного осетинского суда нет.

По представлениям осетин, судьями в осетинском посредническом суде были седобородые старики – мужчины старшей возрастной группы. Они являлись обладателями не только житейской, но и правовой мудрости. Как правило, это были главы больших семей, которые обладали авторитетом не

только в своей семейной общине, но и в обществе. Исторические источники нам сообщают и более конкретные сведения о возрасте осетинских судей. По свидетельству Н.С. Мансурова, судьей у осетин «мог быть избран непременно старец не моложе 50-60 лет от роду, и притом непременно заявивший о своей житейской опытности и боевой правоспособности» [5, 2]. Мнение Н.С. Мансурова подтверждает и Г. Лиахвели, который отмечает: «...в совет судей мог попасть только имеющий от роду не менее 60 лет, заявивший себя в каких-нибудь делах, отличившийся особым мужеством на войне, владеющий особенной опытностью, расположением народа, знанием народных обычаев, адатов и т.д.» [6, 2]. Данные свидетельства говорят о том, что судья традиционного осетинского суда должен был знать и следовать в жизни лучшим этническим образцам социального поведения осетина.

Норма субкультуры судей традиционного суда, предполагающая не только знание народных обычаев, но и обязательную воинскую доблесть, напоминает принцип выбора судей у алан. Из античных источников известно, что аланы «в судьи выбирали только лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами» [14, 235]. На это обстоятельство обращал внимание так же А.Х. Магометов [8, 248]. Исходя из этих данных, можно говорить о том, что отдельные элементы субкультуры судей традиционного осетинского общества восходят к аланам.

Однако надо отметить, что не только возраст, мудрость, доблесть и знание традиционных юридических норм

учитывались при выборе судьи. Не менее важным было социальное происхождение, то, из какого родственного коллектива он происходил. Как правило, у осетин посредниками избирались лица из «сильных» и «больших» фамилий. Так, в этнографическом очерке «Особа» К.Л. Хетагуров отмечает, что «их приглашали судить и примирять враждующих» [15, 411].

Вследствие того, что суд у осетин был медиаторским, большую роль в нем играла личность самого судьи, его происхождение и личный авторитет. Именно этим можно объяснить тот факт, что лица из зависимых слоев населения не могли быть избраны судьями. Об этом нам недвусмысленно сообщает Н.С. Мансуров: «...кавдасарды же как незаконнорожденные и как пренебрегаемая каста не имели права участвовать в качестве судей и вообще давать свое мнение на уличных общественных сходах» [5, 2].

Практика обращения к судье из сильного родственного объединения, на наш взгляд, нашла отражение и в том, что осетины часто обращались с просьбой рассудить их к российским «военным властям и начальникам команд, преимущественно к коменданту крепости Владикавказ и к приставам, назначенным для управления отдельными участками» [2, 1037].

В традиционном осетинском обществе количество участвовавших в разбирательстве дела судей не было постоянным. В отдельных случаях рассмотрением и разрешением конфликта занимался всего один судья. Так, В. Пфаф сообщает, что «иногда старики соглашались общей ссылкой пре-

доставить решение одному лицу, сведущему в народном праве» [2, 1036]. В источниках есть свидетельства о том, что «число судей, в случае тяжбы целых фамилий, увеличивалось до значительной цифры» [5, 2]. Однако чаще всего состав традиционного осетинского суда включал в себя трех судей: один – со стороны ответчика и двое – со стороны истца. Относительно распространенным было явление, когда суд состоял из пяти судей. Как бы то ни было, потерпевшая сторона всегда имела право пригласить на одного судью больше, чем обидчик.

Во всех случаях состав совета судей определялся по предварительному соглашению между конфликтующими сторонами. Если одна из сторон (в особенности потерпевшая) заявляла несогласие с приглашением того или иного судьи противной стороной, то вместо него приглашали другого. И лишь после этого судьи собирались на заседание и приступали к своей работе [4, 21].

Довольно любопытные сведения об обращении конфликтующих сторон к помощи медиаторов и о принципах их работы приводит К. Кох: «Во всех случаях, когда обе стороны стремятся к примирению, каждая из них выбирает 3 судей. Из них двое (по одному от каждой стороны) изучают обсуждаемый вопрос и выдвигают определенное предложение. Их называют алнсон» [16, 259]. Термин «алнсон», который Кох использует для обозначения судьи, представляет собой осетинское *алгъуызон* и является производным от именованной крупной родственной группы – *алгъуызатæ* (Алгузовы). Как

известно, характерные для идеального древнеарийского общества три социальные функции: жреческая, воинская и хозяйственная, в осетинской традиции связаны с тремя родственными объединениями: Кусагоновыми, Алгузовыми (или Царазоновыми) и Сидамоновыми.

Кох упоминает еще один термин – «сирамон», которым он обозначает судей более высокой категории. «Двум другим сирамонам вменяется в обязанность обсудить более подробно выдвинутое предложение, показать его справедливость обеим собравшимся сторонам и, в случае согласия обеих сторон, ратифицировать его» [16, 258]. «Сирамон» является производным от названия крупного родственного коллектива – *Сидамонта* (Сидамоновы).

Судьи самого высокого ранга у Коха обозначены термином «кусагон»: «Однако этим еще приговор не вынесен, потому что два последних судьи – “кусагоны” снова изучают и контролируют правильность судопроизводства предыдущих судей» [16, 258]. О высоком ранге судей, обозначаемых «кусагонами», говорит тот факт, что в их власти было отменить решение предыдущих судей, распустить суд и пригласить новых судей для разрешения рассматриваемого вопроса. Так, Кох отмечает: «...если оба кусагона полагают, что законность в чем-то нарушена, то они отменяют решение и снова происходит новое заседание для принятия решения при новом составе избранных судей» [16, 258]. Из сообщения Коха напрашивается вывод о том, что в какой-то период истории осетинского народа судей выбирали не

просто из больших и сильных фамилий, а из конкретной группы фамилий, входящих в одно из трех крупных родственных объединений: Кусагоновы, Сидамоновы или Алгузовы.

Как видно из сообщения Коха, в этой системе выбора судей и в этом варианте традиционного осетинского суда судьи-кусагоны были более компетентными в судопроизводстве по сравнению с судьями-сидамонами и судьями-алгузонами. Возможно, это основывается на том, что, согласно архаичным представлениям осетин об идеальном, гармоничном обществе, Кусагоновы были носителями сакральной функции. Они слыли обладателями глубоких знаний, необходимых для гармоничного функционирования общества, в том числе и правовой мудрости. Вследствие этого в общественном сознании они считались более компетентными и в судебной области. Согласно системе представлений о делении общества на три социальные группы (жрецы, воины, общинники) наименее компетентными судьями считаются люди, связанные с воинской функцией, в данном случае это Алгузовы. Данное положение основывается на представлении о том, что носители воинской функции решают проблемы быстро, особо не вдаваясь в детали, главным образом за счет силы.

У Коха судей четное количество и по уровню компетентности они делятся на три ранга. Ничего подобного в сведениях других авторов нами не обнаружено. Кох дает нам этнографические сведения по южноосетинским обществам, и можно было бы предположить, что его данные отражают

субкультуру судей в Южной Осетии. Однако этому предположению противоречат сведения по южным осетинам А.Г. Яновского, отмечающего, что «обе стороны выбирают медиаторов (терхонелег), всегда наблюдая, чтобы со стороны истцов было одним более... в случае несогласия в совете, лишний со стороны убитого медиатор, избираемый всегда старшиной или председателем, оканчивает спор, имея право увеличить взыскание» [17, 19]. Таким образом, здесь медиатор, избранный старшиной, выполняет те же функции, что и «кусагон» в сообщении Коха. Вероятно, описанный Кохом принцип выбора судей является архаичной формой традиционного суда. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения.

Первым делом приглашенные медиаторы приступали к утверждению своего статуса. Они требовали от обеих фамилий подтвердить свои судебные полномочия. Для этого родственное объединение как ответчика, так и истца, должно было принести присягу в том, что оно согласится с решением, которое будет вынесено советом судей. Присягу приносило все мужское население обеих фамилий, способное стрелять из ружья (*топтæхсынхъом*). Обычно эта церемония происходила в самом почитаемом святилище. Присяга всегда давалась при свидетелях [18, 174].

Судебные разбирательства для каждого отдельного общества производились в определенных местах, и, как правило, в качестве таковых избирали места около святилищ. Например, известный во всей Осетии Дагомский

суд (*Дагомьтæрхондон*) заседал на небольшой площадке около святилища *Мадизæн*. Дагомский суд состоял из посредников – медиаторов (*тæрхонны лæгтæ*) близко друг к другу расположенных селений Дагом, Цъамад и Урсдон. Судебное место для потомков Царазоновых (жителей сс. Цей, Бад, Кора, Садон и Нузал) находилось в Нузале. Жители с. Мизур имели свой суд, который заседал в Уаллагкау [19, 51-52]. В Центральной Осетии (Наро-Мамисонская котловина) судебный центр находился в Узаге.

Срок полномочий судей всегда ограничивался одним делом. Продолжительность их работы в каждом конкретном случае зависела лишь «от длительности расследования дела» [13, 39]. Для разбирательства нового судебного дела необходимо было вновь пройти выше обозначенные процедуры и собрать новый судебный состав.

Выборность судей является бесспорным свидетельством демократического устройства суда в традиционном осетинском обществе. Данное положение отмечается многими исследователями. Так, Е.И. Кобахидзе отмечает: «Деятельность посреднического суда у осетин отличал выраженный демократизм, основанный на выборности посредников самими тяжущимися сторонами» [9, 183]. Демократическое устройство традиционного осетинского суда является свидетельством господства в среде осетинских судей демократических мировоззренческих установок.

Суд у осетин являлся одним из тех важных общественных мероприятий, куда люди направлялись в своих луч-

ших одеждах. Судьи же и вовсе облачались в полный праздничный осетинский костюм. В качестве головного убора они, как правило, надевали свою лучшую папаху. Опоясывались хорошим поясом, металлические элементы которого были из серебра или золота. Спереди к поясу крепился добротный кавказский кинжал, хорошей работы, с красиво украшенной рукоятью и ножнами. Полный костюм судьи традиционного осетинского суда дополнялся палкой-посохом [20, 40].

При исследовании субкультуры судей традиционного осетинского суда хотелось бы особое внимание уделить рассмотрению такого важного предмета, как палка-посох (*лæдзæг*). Обусловлено это тем, что в недавнем историческом прошлом посох (или его аналоги *трость*, *шест*) имел у осетин не только практическое, но и важное символическое значение [21, 81]. Палка-посох использовалась в некоторых обрядовых действиях, наделяясь высоким семиотическим статусом. Однако до настоящего времени в исследованиях по традиционной культуре осетинского народа этот атрибут не получил должного освещения.

По представлениям осетин, одной из важных компетенций судьи было умение произносить речь. Во время судебных процессов и различных дел, связанных с судопроизводством, судье приходилось много говорить. Поэтому в субкультуре судей ораторское искусство было важным элементом. Судья должен был говорить громко, четко, ясно, проникновенно. Судья должен был обладать хорошо поставленным голосом, чтобы во время выступле-

ния при большом стечении народа, его было хорошо слышно всем.

К сожалению, мы не располагаем корпусом текстов выступлений судей, однако в нашем распоряжении есть описание речи судебных ораторов [18, 180], которое позволяет создать определенное представление о построении текста выступления судьи.

Анализ источника позволяет утверждать, что речь судьи была не произвольным, а хорошо продуманным и упорядоченным выступлением. Доступная нам для анализа речь во время примирения кровников состоит из ряда взаимосвязанных частей. Свою речь судья начинал со слов о том, чтобы с этого дня среди осетин больше никогда не происходило такого несчастья, как убийство человека человеком. После этого судья говорил о добродетелях кровников. Он отмечал, какими достойными и благородными людьми являются члены обоих родственных коллективов, волею обстоятельств оказавшихся в отношениях кровной мести друг с другом.

Отдельную часть своей речи он посвящал рассказу о фамилии, потерявшей своего члена. Выражая слова благодарности пострадавшему родственному коллективу, судья отмечал их высокие нравственные качества. Он обращал внимание на их почтительное отношение к мнению общества. Судья акцентировал внимание присутствующих на том моменте, что именно из большого уважения к народу, ко всему обществу пострадавший родственник коллектив прекращал конфликт и великодушно прощал убийство достойного члена фамилии.

Значительная часть речи судебного оратора была посвящена тому, как родственный коллектив убийцы скорбит и искренне сожалеет о случившемся несчастье. Судья подробно говорил о том, как сокрушается и раскаивается убийца, как он мучительно переживает о своем деянии.

В заключительной части речи судья подробно говорил о том, каким предсудительным поступком и тяжким грехом является человекоубийство, в каком тяжелом положении оказывается убийца, его родственный коллектив и все общество.

В самом конце речи он обращал свой взор к молодежи и говорил им, чтобы каждый из них запомнил этот несчастный день и никогда не позволил себе совершить человекоубийство [18, 180].

В литературе по традиционному судопроизводству в осетинском обществе практически никогда не упоминалась одна особенность, связанная с деятельностью судьи. Каждый хороший судья самостоятельно собирал и обобщал информацию по делу, в котором он выступал медиатором. Важным источником информации по различным сторонам разбираемого дела были тайные помощники народных судей [22, 382]. Говоря современным языком, практически у всех хороших судей была своя сеть информаторов. Известно, что круг общения судей был весьма широк. У них всегда было много друзей и знакомых в разных ущельях, обществах и селениях Осетии, и круг этих лиц постоянно расширялся. Значительным было и число людей, состоявших с ними в родстве разной степени. Тайные по-

мощники играли важную роль в деле установления истины. В конфиденциальном порядке они готовы были оказать народному судье реальную помощь в установлении истины, сообщали ему необходимую информацию или содействовали ее поиску.

Довольно часто тайными помощниками судьи были лица с обостренным чувством справедливости, стремившиеся послужить общественному интересу. В первую очередь это мужчины старших возрастных групп. Так, по свидетельству Пфафа, «узнав о каком-нибудь столкновении или правонарушении, старики, каждый сам по себе, стараются разузнать все подробности дела...» [2, 2035]. Однако в силу как объективных, так и субъективных причин сделать это открыто они не могли. В традиционном осетинском обществе свидетельские показания часто интерпретировались как принятие свидетелем одной из сторон конфликта, а это всегда влекло к конфликту, часто вооруженному [23, 8; 13, 45].

Посторонние люди не должны были догадываться о конфиденциальном формате отношений между судьей и его тайными помощниками. Существовал негласный запрет на распространение информации о них даже среди родственников и друзей. Корпоративная субкультура судей предполагала сохранение имен этих людей в строжайшей тайне. Доверительные отношения, установленные с тайными помощниками, судьи сохраняли до конца жизни [22, 382].

Таким образом, в традиционном осетинском обществе существовала особая корпорация людей старшей

возрастной группы, исполнявшая судебные функции. Судьи осетинского посреднического суда назывались *тæрхоны лæгтæ*, и судебская корпорация имела ряд субкультурных отличий от остального населения общества. Судьи имели высокий социальный статус, который как правило признавался и за пределами их места проживания. *Тæрхоны лæгтæ* отличались особым мировоззрением и ценностными установками, они являлись своеобразными интеллектуалами традиционного осетинского общества. Несмотря на элитарность, внутрикор-

поративная субкультура имела характерные демократические установки. Особый статус *тæрхоны лæгтæ* подчеркивал и их костюм. Характерным атрибутом судей традиционного суда был посох. Согласно корпоративным нормам, каждый *тæрхонлæг* должен был обладать красноречием. Многие из них были признанными мастерами ораторского искусства. Субкультура судей традиционного осетинского суда предполагала не только знание обычаев, норм и лучших этнических образцов поведения, но и строгое им следование.

-
1. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.
 2. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Изд. 2-е. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 1224 с.
 3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. I-II. 756 с.
 4. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. Вып. II. 346 с.
 5. Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 38.
 6. Лиавели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292.
 7. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
 8. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. 367 с.
 9. Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 452 с.
 10. Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблемы реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2010. Вып. 4 (43). С. 37-47.
 11. Кобахидзе Е.И. Традиционное судопроизводство и обычно-правовая основа социальной жизни у осетин // Традиции народов Кавказа в меняющемся

мире: преэминентность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 105-120.

12. Дауева Т.Т. Разрешение конфликтов в порядке третейского судопроизводства в Осетии XVIII – начала XIX // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. № 14. С. 157-161.

13. Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – XX в.). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. 226 с.

14. Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1908. Вып. III. 328 с.

15. Хетагуров К.Л. Особа. Этнографический очерк // Избранное. Орджоникидзе: Ир, 1989. 496 с.

16. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. С. 222-274.

17. Яновский А.Г. Осетия. Цхинвал, 1993. 26 с.

18. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.

19. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64.

20. Малиев Г.Г. Ираф. Орджоникидзе: Ир, 1986. 319 с.

21. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. 232 с.

22. Айларов И.Х. Ирон фарн. Обычаи и образ жизни осетинского народа. Владикавказ: Ир, 1996. 520 с.

23. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 12-20.

Bagaev, Alan B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); alon.baga@mail.ru

SUBCULTURE OF JUDGES OF THE OSSETIAN MEDIATION COURT.

Keywords: *Ossetians, male subcultures, judge, Ossetian mediation court.*

In traditional society, men's worldviews influenced all aspects of social life. This situation is a consequence of the dominant social status of men in traditional social systems. Worldviews and male norms of social behavior characteristic of traditional society still exist today, although in a somewhat transformed form. Based on this, a comprehensive study of male subcultural complexes of the past seems very relevant. The knowledge obtained during the research will allow us to better understand the direction of development of modern society. The values and norms of behavior of male elite communities, one of which was the corporation of judges of the traditional Ossetian court, had a special impact on the life of society. In the past, in Ossetia, the activity of a judge was considered especially prestigious. Over many centuries, Ossetian people's judges have

developed a certain subcultural complex. The article examines various elements of the subculture of judges of the Ossetian mediation court. Scientific novelty is determined by the fact that this work is the first comprehensive study of the subculture of judges in traditional Ossetian society. The sources for developing the problem posed were ethnographic materials, folklore texts and data from the Ossetian language. The study examined the most significant elements of the subcultural complex of judges of the traditional Ossetian court. The most important principles necessary to obtain the status of a judge were identified. The existence of different options for electing judges was established. The main behavioral stereotypes typical for the corporation of mediators were identified. The significance of the staff as an invariable attribute of the judiciary and a marker of the special social status of the judge is indicated. The issue of secret assistant judges, who played an important role in establishing the truth, is covered. The features of the oratory art of judges are considered.

For citation: Bagaev, A.B. Subculture of judges of the Ossetian mediation court // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 50 (89). Pp.5-15. (in Russian). DOI:

References

1. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskie obrazy i traditsionnye modeli povedeniya* [Ethnic images and traditional behavior patterns]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2015. 441 p.
2. Pfaf, V.B. *Narodnoe pravo osetin* [Ossetian folk law]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Izd.2-e.* [Caucasian periodicals about Ossetia and Ossetians. 2nd ed.]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016. 1224 p.
3. Kovalevsky, M.M. *Sovremenniy obychai i drevnii zakon* [Modern custom and ancient law]. Moscow, 1886, vols I–II. 756 p.
4. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders]. Odessa, Tip. P.A. Zelenogo, 1883, iss. 2. 346 p.
5. Mansurov, N.S. *Obychnyi sud u osetin* [Customary court among Ossetians]. *Kaspii* [Caspian]. 1894, no. 38.
6. Liakhveli, G. *Drevnii osetinskii sud* [Ancient Ossetian court]. *Yuridicheskoe obozrenie* [Legal Review]. Tiflis, 1886, no. 292.
7. Magometov, A.Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 556 p.
8. Magometov, A.Kh. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin* [Social system and life of Ossetians]. Ordzhonikidze, Ir, 1974. 367 p.
9. Kobakhidze, E.I. "Ne edinoyu siloyu oruzhiya..." *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya* ["Not by force of arms alone..." Ossetia at the end of the 18th – beginning of the 20th century: the experience of historical interaction between traditional and state administrative ruling]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 452 p.
10. Kobakhidze, E.I. *Ocherk K.L. Khetagurova "Gorskii slovesnyi sud" i problemy reorganizatsii sudoproizvodstva dlya gortsev Severnogo Kavkaza v 70-kh gg. XIX – nachale XX vv.* [Essay by K.L. Khetagurov "Mountain Verbal Court" and the problems

of reorganizing legal proceedings for the mountaineers of the North Caucasus in the 70s of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2010, iss. 4 (43), pp. 37-47.

11. Kobakhidze, E.I. *Traditsionnoe sudoproizvodstvo i obychno-pravovaya osnova social'noi zhizni u osetin* [Traditional legal proceedings and the customary legal basis of social life among Ossetians]. *Traditsii narodov Kavkaza v menyajushchemsya mire: preemstvennost' i razryvy v sotsiokul'turnykh praktikakh* [Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world: continuity and gaps in sociocultural practices]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2010, pp. 105-120.

12. Daueva, T.T. *Razreshenie konfliktov v poryadke treteiskogo sudoproizvodstva v Osetii XVIII – nachala XIX v.* [Conflict resolution through arbitration in Ossetia in the 18th – early 19th centuries]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. Young Scientists School]. 2015, no.14, pp. 157-161.

13. Daueva, T.T. *Konflikty i mirotvorcheskie praktiki v osetinskom obshchestve (konets XVIII – XX v.)* [Conflicts and peacekeeping practices in Ossetian society (late XVIII – XX centuries.)] Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017. 226 p.

14. Ammian Marcellin. *Istoriya. Per. s lat. Yu. Kulakovskogo* [History. Per. from Lat. Yu. Kulakovsky]. Kyiv, Tip. S.V. Kul'zhenko, 1908. 328 p.

15. Khetagurov K.L. *Osoba. Etnograficheskii ocherk* [Osoba. Ethnographic essay]. *Izbrannoe* [Favorites]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 496 p.

16. Koch, K. *Puteshestvie cherez Rossiyu k Kavkazskomu peresheiku v 1837 i 1838 gg.* [Travel through Russia to the Caucasian Isthmus in 1837 and 1838]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians viewed by Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1967, pp. 222-274.

17. Yanovsky, A.G. *Osetiya* [Ossetia]. Tskhinvali, 1993. 26 p.

18. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 4. Inventory 1. Case 109.

19. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 4. Inventory 1. Case 64.

20. Maliev, G.G. *Iraf* [Iraf]. Ordzhonikidze, Ir, 1986. 319 p.

21. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [Festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanities, 1995. 232 p.

22. Ailarov, I.Kh. *Iron farn. Obychai i obraz zhizni osetinskogo naroda* [Iron Farn. Ossetian people's customs and way of life]. Vladikavkaz, Ir, 1996. 520 p.

23. Shanaev, Dzh. *Prisyaga po obychnomu pravu osetin* [Oath according to the customary law of Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1873, iss. 7.